
Опускается небо. Всё ниже и ниже.
Тучи в ливне полощет порывистый ветер.
Он торопится, чтобы успеть на рассвете
к появлению солнца их наскоро выжать

и развесить сушить. А пока голубая
точка в куполе светится ровно и скупно
через плёнку воды вездесущей. Но купол
остаётся сухим: дождь его огибает.

Это храм в центре площади, проткнутый сбоку
острым лунным серпом. И в нём рана сочится
голубой древней кровью на окна-глазницы
окружающих зданий под рёв водостоков.

Сонный город дожди захватили бескровно.
Стрелки всех циферблатов вернулись в начало,
в полночь новую, где дом за домом кварталы
на глазах без следа растворяются, словно

бутерброд, толщиной в минувшие сутки,
горький хлеб твоей яви, проложенной снами,
время рвёт и глотает большими кусками,
исчезая во тьме. И становится жутко,

что оно не вернётся. Останется с нами
только плёнка слезящейся гнили на окнах,
церковь, влагу впитавшая, чтобы поблёкнуть,
слиться цветом с асфальтом, с другими церквями.

Но, пока у тебя не закончилось время,
будет дождь-косохлёт вместе с ветром норд-остом
возвращаться по небу из Питера в Бостон,
словно память о сбывшемся с нами. Со всеми.